

ЛАНА ФРАНТ

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ МАГИЯ

1

НЕИСКРЕННОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Франт
Элементарная Магия.
Книга 1. Неискренность
Серия «Элементарная Магия», книга 1

*<https://litres.ru/72342184>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Кровавый закон гласит: союз двух стихий порождает хаос, а цена любви — лишение магии.

Они нарушили запрет и нашли друг в друге спасение от общей боли, но с самого начала знали: это не навсегда. Ана готова расстаться с прошлым и жить по правилам. Эдвард не мыслит жизни без ее тепла и намерен сохранить их связь. Несмотря на правила, обязанности и протесты.

Пока правда о запретном союзе грозит выйти наружу, юный Кай сталкивается с тварью, что самой природой дано убивать ему подобных. Но она его пощадила. И чем сильнее он погружается в исследование, тем больше сомневается в том, во что искренне верил...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	39
Гл	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Элементарная Магия.

Книга 1. Неискренность

Пролог

Ледяной ветер приносит первый снег. Маленькие снежинки, красиво подсвеченные лунным сиянием, множатся и собираются воедино. Уже хлопьями они оседают на волосах и одежде, а попадая на лицо и ладони, не тают – подмерзают и неприятно царапают кожу. Сколько он себя помнит, в ночь с двадцать первого на двадцать второе ноября погода всегда показывает характер и совладать с ней способен лишь тот, кто умеет управлять потоками воздуха. На одном из них носитель самой свободолюбивой стихии и передвигается, сделав его ручным и послушным, словно домашнего питомца.

Когда под ногами оказывается плитка открытого балкона, он подглядывает в щель между занавесками. Увидев светящиеся в темноте бледно-зеленые глаза, склонившиеся над книгой, Эдвард не может сдержать полную преданного обожания улыбку и контролировать ускоряющееся сердцебиение. Он трижды стучит в стеклянную дверь – негромко. Нежелательные свидетели на то и нежелательные.

Два огонька обращаются к источнику звука. На долю се-

кунды они загораются ярким светом, а на бледном лице девушки промелькивает удивление; но тут же ее глаза угасают и возвращаются к тексту. Раздосадованный тем, что стекло не пропускает ни единого звука, Эдвард рискует и стучит еще раз – чуть громче.

– Что? – спрашивает очень нехотя поднявшаяся с кровати Ана, продолжая держать в руках книгу и придавая голосу безразличие. Она выходит на балкон, закрывая за собой дверь и лишая Эдварда возможности рассмотреть ее комнату. Доска с открытками или фотографиями – в темноте не разобрать – остается единственным, за что цепляется его взгляд.

– Хочу поговорить.

– Переводя на твой – «прочитать»?

Эдвард поджигает губы. И это тоже.

– Я не ссориться прилетел, – он тянется к маленькой ладони Аны, и тепло разливается по венам, едва его пальцы прикасаются к разгоряченной коже. – Просто полетели со мной.

Сквозь скупающую маску равнодушия Эдвард слышит, как она взвешивает все за и против.

– Снегопад усиливается. Я хоть и люблю зиму, но потухнуть не желаю.

– Разве я похож на того, что позволит Огонь потухнуть? – наигранно оскорбившись, усмехается он и продолжает чуть мягче: – Я хочу извиниться.

Ана выразительно поднимает темно-рыжую бровь:

– В стиле Воздушных? – выждав короткую паузу, за которую она успевает уловить в лице Эдварда выражение, будто ее слова режут по чувствительному органу, Огненная машет рукой и отворачивается. – Я пас. Вы не умеете извиняться.

Она опускает дверную ручку, и порыв ветра, поиграв занавесками, проникает в комнату. Эдвард откидывает голову назад, вымученно стонет и бурчит:

– В стиле тех персонажей, про которых ты читаешь.

До уха долетают фрагменты невысказанных мыслей вперемишку с треском костра. Эдвард напрягается.

– Заинтересовал, – с холодным кокетством и любимой слуху хрипотцой отвечает Ана. Она не врет, а он радуется победе. – Пять минут. Не подглядывай.

Воздушный прыскает:

– Чего я там не видел.

Перейдя порог, Огненная обращает к нему вспыхнувший взгляд:

– Как быстро прошел интерес...

– Подожди! – в попытке помешать ей закрыть дверь он вскрикивает. Они оба вздрагивают, и Эдвард торопливо продолжает – шепотом: – Прости. Пожалуйста, полетели. Обещаю, шутить не буду.

Он держит слово и не подглядывает. Не шутит над тем, что Ана, примерив на себя ампула скромной и недоступной, берет с собой набитый под завязку рюкзак. И не может прочитать – в ее голове Огонь прячет мысли носительницы за

треском горящих поленьев. Если она продолжит в том же духе, этот звук подвинет белый шум и займет неоспоримое первое место в списке его самых нелюбимых.

– Вино? – Ана хмурится. – Ты прекрасно знаешь, что я...

– Безалкогольное, – оправдывается Эдвард и тычет в соответствующую плашку на этикетке. Он вынимает пробку; услышав, что Ана допускает, будто ее обманывают, с вызовом прикладывается к горлышку и делает глоток.

– Не убедил. Воздушные не пьянеют. А вот от торта-мороженого не откажусь, – сменив гнев на милость и едва сдерживая довольную улыбку, она присаживается за стол и уже собирается отрезать внушительный кусок, как Эдвард подталкивает ей целую подложку.

Словно замороженный, он наблюдает за тем, как исчезает десерт. Ана жмурится от удовольствия, покачивая головой, будто воображает себя маленькой девочкой, выпросившей у родителей сладкую вату на ярмарке. Периодически Эдвард поглядывает на портативную колонку с часами, чтобы не забыть.

– У тебя крем над губой.

– Где? – она показывает на разные участки кожи, не попадая в нужный; когда находит, Эдвард кивает, и Ана слизывает крем кончиком языка.

Внизу живота приятно тяжелеет от увиденной картины.

– Не до конца, – он улыбается, чуть приподнимая верх-

нюю губу и показывая белые зубы.

В ее глазах пляшут хитрые соблазнительные огоньки. Ана кладет руки перед собой и подается вперед:

– Так, может, сам?

Он приближает свое лицо к ее покрасневшему и усыпанному бледнеющими веснушками, задерживается губами на приподнятом уголке рта, выполняет ее просьбу – и тут же морщится от попадания сахара на язык.

– Это же сладкое, а не яд, – смеется Ана, возвращаясь к десерту.

– Не люблю сладкое, – он пожимает плечами и отпивает еще вина, чтобы избавиться от приторного послевкусия.

Сказал бы ему полтора года назад хоть кто-то, что Огненные такие безнадежно романтичные, он бы рассмеялся тому в лицо.

– Прости меня за очередной концерт. Виноват.

Ана перестает жевать и убирает темно-рыжие пряди за уши, обнажая сережки.

– Эдвард, может, нам *уж*е пора остановиться? – она задает болезненный вопрос до того, как он успевает прочесть ее.

– Время на исходе...

– Но оно еще есть.

– Но ты уже сдал тесты.

– Но результатов еще нет.

Игру можно продолжать до бесконечности, но Эдвард не горит желанием утомляться.

– Прощу, – он скрещивает свои пальцы с ее тонкими, игнорируя недоброжелательное покалывание искр. – Все будет так, как мы договаривались. Но не сейчас. Давай...

Он осекается, увидев в ее мыслях знакомое лицо. Услышав голос и слова. Очень неприятные ему слова.

– Мозги тебе пудрит, – Эдвард кривит губы.

– Сколько раз тебе говорить, – Ана сердито отталкивает его руку и вскакивает со стула, – разговаривай со мной, а не читай. К слову, – она добавляет интонации яда, – мог бы и прислушаться к мнению со стороны, раз мое тебе не интересно.

Ана бежит к окну, чтобы перевести дух. Огонь надевает на шею носительницы ожерелье из переливающегося синего пламени, а на запястья браслеты в пару.

«Она».

«Все хорошо. Я держу себя в руках. Никакие слова и поступки меня не заденут», – яростной стихии плевать на мантры Аны, но не на свою безопасность, и она прячется обратно, оставляя после себя ароматы горения.

– Ты тоже не хочешь, – Эдвард прижимается животом к ее пояснице и заключает в объятья.

Если Ана и готовилась протестовать, то виду не подает.

– Ты знаешь, что...

– Знаю. Ненадолго. Максимум – до моего Дня Рождения, – Эдвард размещает подбородок на ее макушке и шумно вздыхает. – Пока есть время, Ана...

Огненная привстает на носки, чтобы уложить голову на плечо несоизмеримо высокого в сравнении с ней Воздушно-го и посмотреть в глаза – в отличие от нее, он не видит в темноте, но это не умаляет их янтарного блеска.

Она безмолвно соглашается, и надежда окрыляет его.

– Не дави на больное. Хорошо?

Ана снова прячется, но Эдвард отпускает нарастающую обиду. Пускай сегодня абстрагируется – он попробует позже покопаться в том, что легло в ее черепную коробку за последние дни.

Воздушный серебрится, проливая холодный свет на окружение. Вместо ответа он начинает петь самым чистым и благозвучным голосом, на который оказывается способен. Он протягивает руку и имитирует игру на рояле, из-под пальцев выходит нежная меланхоличная мелодия и ее звучание заполняет пространство квартиры на тридцать седьмом этаже комплекса. Сложный навык, но Ана того стоит. Слова идут невероятно легко, словно он не закладывал в них ни грамма боли и переживаний.

Она дрожит в его руках, расслабляется и прощает – также без слов. Любовь и обожание с легким налетом горечи наполняют ее.

Цифры на часах выстраиваются в череду нулей. Эдвард исчезает, чтобы через долю секунды вернуться и накрыть Ану освежающим дуновением ветра.

– С Днем Рождения.

Он вкладывает ей в ладонь маленькое серебряное колечко.

– Ты хотела проколоть хрящ. И все-таки... иногда ты не против, чтобы я тебя читал.

Возмущение вытесняют радость и замешательство, но по итогу выигрывает первая эмоция. Эдвард запоминает эту улыбку и надеется, что память никогда не потеряет ключ от двери, где она хранится.

Глава 1

1 июня

Затянутость романа толкает на его переосмысление еще до финала – поэтому особенно важен день, *когда* поставлена последняя точка.

Шкодливые солнечные лучики находят зазоры между темными занавесками и проникают в комнату с первым звонком будильника.

Утро перед ежемесячным собранием у Аны всегда начинается одинаково. После подъема она идет в ванную и засекает двенадцать минут, за которые непрерывно горящее внутри пламя не успеет потухнуть. Самой миниатюрной носительнице Огня в истории Солено – самое короткое время на водные процедуры.

Приняв душ, она насухо вытирается и, пока Элементарная часть в ней восстанавливается, чистит зубы, дотошно и тщательно – плюс пять минут. Затем девушка заходит в мессенджер – к этому времени Лили, секретарь Элементов, уже выкатил в чат Совета голосовое сообщение, где она озвучивает темы и вопросы, необходимые обсудить на сегодняшнем собрании. Ана в шутку называет это мини-подкастом – не потому, что тем и вопросов так много, просто Лили до

сих пор не научилась говорить связно и по делу, не вставляя длинные паузы, многочисленные «вот», «в общем» и протяжные гласные звуки в конце каждого предложения и между оборотами. Плюс еще десять минут, времени как раз хватает, чтобы и накраситься, отметив появление новых веснушек на бледной коже, и согреться. По завершению прослушивания Ана в считанные секунды высушивает волосы за два проведения ладонями по всей длине – ванная комната наполняется паром, зеркало запотевают. Она расчесывается темно-рыжую копну, надевает халат и у нее остается еще две минуты перед тем, как бабушка позовет ее завтракать.

Обычно она тратит их на ожидание, расхаживая по комнате и представляя день грядущий, но не сегодня.

Ана достает из верхнего ящика прикроватной тумбы бархатный белый мешочек и развязывает его. Убедившись, что содержимое никуда не исчезло, она кладет подарок в набедренный карман заранее подготовленных брюк и выходит из комнаты в столовую, откуда уже доносится запах кофе, омлета и свежих овощей.

– Сегодня первый день Эдварда в качестве Полноправного Элемента, – говорит одетая с иголки бабушка Элла, задумчиво смотря куда-то перед собой и покачивая в руках фарфоровую чашку.

– Сочувствую ему.

Элла держит чашку за ручку, оттопыривая мизинец – больше неосознанно, чем от желания блюсти этикет, – под-

носит ее к губам и делает небольшой глоток кофе.

– А еще в этом месяце сыну Тамила исполняется восемнадцать. Мы увидим его на следующем собрании Совета, если не раньше.

– Надеюсь, семь лет пройдут быстро, – Ана видит, как на долю секунды уголок рта Эллы поднимается, но бабушка подавляет смехок. – Хочешь снова попросить меня сохранять контроль и не спорить с ним?

Элла впервые за время завтрака смотрит на внучку, которая заканчивает с омлетом. В бледно-зеленых, как у всех женщин Спарк, глазах Ана видит озорные искорки – прямое доказательство тому, что важная и статная бабушка иногда позволяет себе бывать несерьезной. Она сдержанно улыбается и прячет иголки.

– Хочу, но не люблю просить невозможного. Огонь рядом с Водой тяжело сохранять контроль, а тебе не спорить с Тамилом, когда он рядом.

– Поэтому я надеюсь, что семь лет стажировки его сына пройдут быстро и он наконец-то уйдет на пенсию.

Служанка подносит десерт – сладкий пломбир с арахисом, соленой карамелью и вафельными трубочками. Ана вынимает одну из мороженого, окунает в топпинг и наслаждается вкусом, каждой клеточкой ощущая, как температура тела падает до относительно комфортной.

После завтрака остается полчаса перед тем, как личный

водитель Спарков заедет за ворота и оповестит ее и бабушку, что пора ехать. За это время Ана приводит в порядок мысли, которые хороводом крутятся и кричат вокруг одного – грядут перемены, осталось недолго.

Состав Совета сегодня наполовину обновится, новое поколение понемногу берет бразды управления в свои руки. Аяна уже как два года заменила на посту предшественниц, Эдвард дебютирует как Полноправный Элемент, сын Тамилла заступает на стажировку. Да и ей самой осталось не так долго.

Элла ждет не дождется момента, когда сможет вернуться на пенсию. Ана, изо дня в день наблюдая, как она стареет и хочет простого человеческого отдыха, только ради нее уже бы взяла на себя роль Полноправного Элемента, если бы не закон – двадцать пять есть двадцать пять, нельзя раньше положенного возраста получать в руки столько ответственности и власти. А их у Огонь много – теплоэнергетика, автотромышленность, металлургия и это только то, что Ана смогла вспомнить первым и с чем имела дело на прошедшей неделе. Мериться с другими Элементами количеством сфер влияния – дело неблагодарное, если бы не завышенные требования.

Люди издревле уважают Огонь, но смертельно боятся, считают ее самой разрушительной силой из существующих, предпочитая восхвалять Землю, что приносит им на стол пищу, Воду, которым они смывают с себя усталость после ра-

бочего дня, или Воздух, без которого не могут дышать. Иронично, что написать в их честь благодарственный пост они не смогут без оптоволокна, благодаря которому есть связь и интернет, а чтобы его создать, необходима Огонь.

Вода, Земля и Воздух дают жизнь, а Огонь ее поддерживает. Лишь зная, как производственные мощности и существование Солено как продвинутой цивилизации сильно зависят от их поддержки и кураторства, Огненные не чувствуют себя обделенными. Хотя и есть нюанс, что от них требуется высшая степень самоконтроля и надежные отношения с Элементарной частью.

Пока Ана одевается, она вспоминает семейную легенду о том, как одна из прабабок не совладала с собой и вышедшим из-под контроля пламенем. Пожар, поразивший яблоневый сад винодельни тогдашней Земли, был настолько силен, что даже подземные воды или испарились полностью, или ушли настолько глубоко, что за сотни лет ни одно растение, ни одного неказистого одуванчика так и не возросло на нем. Теперь сад называют Пепелищем, в нем нет ничего, кроме выгоревшей черной почвы и обрубков мертвых яблонь, которые больше никогда не дадут плодов. Это место – клеймо на их роду.

«За сожженный сад от нас требуют такого, а ошибки других называют «плохим днем»! Это несправедливо», – так реагировала маленькая Ана, когда впервые услышала эту историю и не раз реагировала после паводков, подземных толч-

ков и ураганов.

Не сказать, что с тех пор ее мнение сильно изменилось, просто она начала понимать устройство мира и учиться в нем жить.

Ана проходит мимо зеркально чистого окна, когда замечает подъезжающий к воротам автомобиль.

«Ни одна живая или мертвая душа сегодня не нарушит моих планов и не пошатнет моих убеждений. Я отношусь проще и с пониманием к тому, что мне противоречит. Я контролирую ситуацию», – Ана повторяет в голове эту мантру на протяжении всего пути из комнаты в холл, из холла во двор, по выложенной плоскими булыжниками тропинке до двери автомобиля.

Башня Элементаль полностью оправдывает свое название – собранная из затемненного небьющегося стекла, сорок этажей вверх, подземная парковка на три яруса, десять этажей вниз, шпиль, который теряется в облаках и тумане в непогоду, а в ясные дни, как сегодня, будто стремится проткнуть само небо. Огромная, широкая у основания и сужающаяся вверх, она является самым высоким и величественным сооружением во всем Солено. Несмотря на засилие вокруг нее подражателей, таких же стекляшек, только меньших размеров, она выделяется не только историей, назначением и владельцами. Стекло башни имеет плавный градиент – из золотого в зеленый, из зеленого в синий, из синего в сереб-

ряный, из-за чего отражающиеся от поверхности солнечные зайчики приобретают цвета всех оттенков цветового круга. А в особенно ясные дни башня и вовсе надевает на себя то ли радужные хула-хупы, то ли радужные пачки – разве что только не крутится вокруг своей оси, подражая гимнастке или балерине.

Чем ближе башня, тем выше по переносице поднимает солнцезащитные очки водитель – его глаза не выдерживают такого количества света. Ана же с упоением наблюдает за сворой солнечных зайчиков, без единой мимической морщинки в уголках.

Автомобиль заезжает на подземную парковку и ненадолго погружается во тьму – до выезда к секторам, которые освещают закрепленные на бетонных столбах фонари с лампами теплого белого цвета.

Они останавливаются в секторе А, где Ана отмечает, что в этот раз Огненные заставляют остальных ждать.

Вся башня Элементаль находится в распоряжении Элементов – наполовину людей, наполовину стихий, от способностей которых зависит само существование Солено.

В древние времена люди относились к ним как к Божествам, а Элементы к людям как к смыслу жизни. Но, как все живое и имеющее самосознание, общество эволюционировало, дети Магии эволюционировали вместе с ними и пришли к мироустройству, которое уже много лет устраивает

обе стороны. Элементы обеспечивают безопасность острова и равновесие четырех стихий, а люди в ответ не боятся завтрашнего дня и используют этот дар на благо и развитие родного острова. Ни одна промышленность не обходится без кураторства Элементов и влияния стихий, а нет ферм, заводов, предприятий, электростанций – значит, нет возможностей самореализации.

Солено живет благодаря Элементам и наименьшее, чем он может отплатить, это содержанием и комфортабельной башней с лучшей медициной, юридическими и экономическими службами, учебными и лечебными центрами и местами в самых престижных школах, где их дети учатся вместе с детьми предпринимателей, банкиров, деятелей искусств и прочей элиты. И, конечно же, просторная штаб-квартира с панорамными окнами на сороковом этаже Элементаль.

Эра религиозного фанатизма осталась в прошлом, пришел взаимный бартер.

Однако количество привилегий, которые есть у Элементов, сопоставимы не только с количеством их обязательств перед Солено, но и со всеми выставляемыми им требованиями. В том числе выставленных Элементам самими же Элементами, и внешний вид на ежемесячном собрании – одно из них.

Элла, как бы ей ни было жарко и как высока ни была бы и без того естественно высокая температура ее тела, всегда ходит на собрание, как на... собрание. Строгие брючные ко-

стюмы и белые блузки по фигуре, зализанные в пучок волосы седого оттенка, подчеркивающего не старость, а благородство и опыт, золотые серьги-конго и минималистичные кольца, а по молодости еще и каблуки, лишь в пенсионные годы она сменила их на менее травматичные лоферы. Прямая осанка, натуральный макияж и пронзительный взгляд. Она никогда не снимает пиджак и даже не рассматривает ношение костюма без него – неполный образ, как она считает.

Ана, хоть и сохраняет черно-бело-золотую гамму бабушки, но интерпретирует ее по-своему. Тоже брюки, но расклешенные и с большими набедренными карманами. Тоже лоферы, но на массивной подошве. Тоже белая блузка, но как будто снятая с мужского плеча и надетая вместо пиджака, а под ней черный кроп-топ, недостаточно длинный, чтобы заправить в брюки. Волосы, укороченные до плеч, расчесаны, заколоты крабиком на затылке, но распущены. Сережек в ушах больше и, помимо золота, есть серебро. И макияж – Ана специально красит губы алой помадой, чтобы, когда она говорит, ее обязательно слушали.

Их тандем выглядит как ситуация, когда бабушка-бизнесумен, проводящая отпуск за приемом солнечных ванн на берегу моря, приводит на работу внучку-недопанка, бледная кожа которой не знает, что такое равномерный загар. Такое же впечатление из раза в раз они производят на собравшихся за овальным столом коллег. Пока Ана не Полноправный Элемент, а только стажер, она оставляет себе свободу и лич-

ный комфорт хотя бы во внешнем виде.

Все на местах.

Вся правая сторона т-образного стола принадлежит Флауверсам, частым декретникам и тем везучим Элементом, которым самой Магией дозволено разделять между собой обязанности как раз из-за их плодовитости.

Земные – единственные Элементы, в одном поколении которых их может быть больше одного, хоть и только дочери. Поэтому за их половиной стола больше всего передвижных кресел. Остается загадкой, почему только Земле дозволено разрождаться сразу на несколько носительниц. То ли внушительное количество сфер влияния, ведь практически все в мире состоит из материалов и химических элементов земного происхождения, то ли это просто логично для стихии, ассоциирующейся с урожаем и плодородием. В любом случае Аяна, сама относительно недавно разродившаяся на близняшек, вытянула несчастливый билет и оказалась единственной дочерью среди оравы родных и двоюродных братьев.

Ана здоровается с ней, пожимает руку и делает искренний комплимент ее фигуре.

– Ты выглядишь почти как до родов.

Аяна кажется уставшей, но натягивает улыбку, отчего глубоко посаженные глаза приобретают сходство с двумя гладкими темными камушками.

Левую сторону стола делят Вода и Огонь, что всегда напрягает Ану. Тамил пожимает руку Элле, затем очень нехотя

протягивает свою Ане – она также без особого желания пожимает ее в ответ и ограничивается коротким кивком. Кресло рядом с Тамила пока пусто.

Во главе стола из темного дерева непривычно пусто.

– С окончанием стажировки, мистер Экхарт, – нараспев произносит Элла, протягивает Эдварду обе руки и слегка откидывает голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

Хоть бабушка и отличается высоким ростом, не в пример внучке, Воздушных еще никто никогда не перерастал.

Смущенный столь радушным приемом, он берет ее руки в свои и отвечает:

– Эдвард, миссис Спарк. Для вас я всегда буду просто Эдвардом.

На другом конце стола хмыкает Тамил:

– Скромнен как штиль.

Ана ловит взгляд Эдварда – две янтарные капли на белом снегу волнительно поблескивают, но смотрят на нее с неизменной теплотой, от которой улыбка сама по себе появляется на лице.

– С прошедшим.

Он улыбается в ответ и прижимает ладонь к сердцу.

Все рассаживаются и раскрывают перед собой планшеты, когда в зал, стуча каблуками, заходит Лили – она кладет на стол перед каждым Элементом и Аной визуализаторы, устройства, похожие на вертикальные компьютерные мыши. Эдвард берет визуализатор и переворачивает его, находит

беспроводной переходник и подключает к планшету.

Остальные следуют его примеру.

– Мисс Грин? – Тамил обращается к Лили и показывает пустующий ложемент на обратной стороне визуализатора.

Лили краснеет и суетливо лезет в карманы.

– Прощу прощения, мистер Поло, – она протягивает переходник. Тамил берет его в руки и оценивающе рассматривает его, как опытный нумизмат пенни, не представляющей никакой ценности.

Лили слегка потряхивает, она затаивает дыхание и крепко сжимает пальцы в кулаки, ногти болезненно впиваются в кожу.

– Вы его уронили. И визуализатор тоже, видите скол? Принесите мне другой.

Она медленно кивает, сжимает губы и еле сдерживает слезы. Лили надеялась, что следы ее ошибки обнаружит кто-то угодного за столом, кроме Тамила, но она так спешила, что не успела положить переходник в ложемент, а зайдя в зал и вовсе забыла, что должна была это сделать.

Попадание под прицел такого придиры, как Водный, всегда оборачивается унижением. Даже самое непоколебимое достоинство шатается и рассыпается как карточный домик.

Ане становится ее жаль.

– Лили, не надо. Тамил возьмет мой набор, мне он все равно без надобности. А этот отдай на списание.

– Поняла. Спасибо, – Лили кланяется и устремляется к

выходу. За дверью она всхлипывает.

Элла качает головой и цокает языком от наблюдения за столь неловкой сценой.

– Не будь так несправедлив, Тамил, девушка всего три месяца как работает.

– Как раз, испытательный срок. Если давать поблажки молодым специалистам, они ничему не научатся.

Глубокий и насыщенный баритон, обладающий гипнотическим эффектом, идеально подходит Тамилу как носителю Воды – томной, звучной и журчащей стихии. Но крайне не вяжется с его внешностью. Так мог бы разговаривать актер драматического театра или бледнолицый аристократ, вальяжно восседающий на расписном троне, но не коренастый, бородатый и загорелый мужчина, почти перешагнувший порог пятидесятилетия.

Тамил подключает переходник, вводит пароль на планшете и продолжает:

– Они ничему не научатся, будут постоянно бегать за помощью к наставникам, чтобы те по итогу выполняли их работу.

– Наставник Лили скончался, – тактично замечает Аяна, убирая выбившиеся пряди темных волос за уши. – Она едва вступила в должность, как он умер от инфаркта.

– С таким подопечным сложно не словить инфаркт.

Ану передергивает, она вздыхает и закатывает глаза.

– Она всего лишь уронила визуализатор, не устраивай из

этого трагедию.

Тамил смотрит на нее испытующе. Карие глаза темнеют, практически сливаясь со зрачком, густые брови слегка дрожат.

– Сохраняйте субординацию, мисс Спарк. Мы пока не коллеги и для вас я все еще мистер Поло.

В разговор, грозящийся перерасти в перепалку, вмешивается Эдвард – он откашливается, на всякий случай дважды.

– Коллеги, – он поджимает губы, настолько непривычно для него прозвучало это слово, но с каждым далее сказанным благозвучный голос обретает уверенность. – Сегодня первый день лета и, тем более, воскресенье. Не очень хочется надолго задерживать вас в выходной, когда вы могли провести время с семьей или посвятить его личным интересам. Предлагаю начать собрание.

Глава 2

– Как раз наступлению лета и посвящена тема сегодняшнего собрания. Гидрометцентр уже предоставил несколько вариантов прогноза погоды на сезон – с незначительными отличиями, но все сходятся в одном: предстоит засуха.

Эдвард с иронией отмечает, что именно на слове «засуха» во рту появляется сухость.

Он смотрит на собравшихся за столом, янтарные глаза бегают, ища поддержки. Ана двумя пальцами совершает круговые движения (Эдвард слышит в голове ее «Продолжай»). Элла смотрит на него с неприкрытой гордостью, как будто он и ее внук тоже. Тамил не отрывается от планшета. Аяна, обычно спокойная и даже безынициативная, заметно оживляется в ожидании, когда новоиспеченный Верховный Элемент закончит вступление.

– В это время года Земля особенно уязвима и всем остальным Элементам – то есть, нам, – необходимо бросить все усилия, чтобы минимизировать последствия засухи и уберечь урожай. – Он отхлебывает воды из бутылки, заботливо поставленной Лили на стол, выдыхает и обращается к Поло: – Тамил, системы водоснабжения?

– Работают исправно, как и в начале весны, – безэмоционально отвечает он, не сводя глаз с плоского экрана.

– Эдвард, – Аяна поднимает руку. Он кивает, разрешая ей высказаться. – Мне доложили, что часть ветровых турбин на предприятии Барнсов прекратило работать. Может, ты располагаешь информация, почему?

Аяна нажимает на кнопку визуализатора – и над столом возникает голограмма. Включается видео, снятое с высоты птичьего полета, на котором показываются вальжно крутящиеся лопасти ветровых турбин. Затем камера движется левее и в кадр попадает причина тряски.

– Я беседовал на днях с мистером Барнсом. Из пятидесяти шести турбин у одиннадцати подходят к окончанию сроки поверки. Они на техобслуживании.

Аяна хмурится.

– Гидрометцентр сообщал о движениях ветра? Просто, если лето готовит засуху, скорее всего, и ветер будет неблагоприятен. Сорок пять турбин достаточно, чтобы обеспечить энергией птицефабрику? Она питается от ветряной станции Барнсов.

Эдвард машинально тянется к шее – он мнет ее, когда нервничает или не может дать однозначного ответа на вопрос. Аяна это замечает и тихо вздыхает, поникая, как цветок под палящим солнцем.

– Я понимаю твои опасения. Я поговорю с мистером Барнсом при встрече и узнаю, на каком этапе техобслуживания находятся турбины и когда их запустят снова. И с ветром тоже поговорю, – Эдвард подмигивает Земной.

Она лишь кивает.

– Аяна, – обращается к ней Тамил, – на водоснабжение жалоб нет?

– Пока нет.

– Жители Неона жаловались, – Ана впервые подает голос, заставляя присутствующих обратить на нее внимание. – На ржавчину. Люди со вчерашнего утра не могут помыться и приготовить еду, а предприниматели терпят убытки.

Тамил смотрит на нее исподлобья.

– Подвоз питьевой воды к домам организован. Я был на месте вчера днем. Ремонтные работы ведутся, обещают закончить к вечеру, – заученно произносит он, после чего выпрямляется и недовольно шурится, осматривая Ану. – Поднимайте руку прежде, чем что-то сказать. И одевайтесь скромнее, вы на собрании, мисс Спарк.

Ана поджимает губы, издает то ли возмущенный, то ли ехидный смешок и одаривает Тамила пламенным взглядом.

– Вы не туда смотрите, мистер Поло.

Эдвард слышит, какими словами на самом деле Ана покрывает Тамила, и, едва улыбаясь, покачивает головой. Есть особое удовольствие наблюдать за тем, как во время конфликтов реакция не совпадает с внутренним состоянием. Одна лишь надежда, что это двое не изничтожат друг друга прежде, чем преемник Водного начнет стажировку.

– Со своей стороны я гарантирую мгновенную реакцию в случае возникновения пожаров. Надеюсь, Тамил будет мне

в этом содействовать. Оперативно, – на этот раз Элла делает выпад в его сторону, отчего Тамил шумно выдыхает и театрально прикрывает глаза ладонью. Он раздвигает указательный и средний палец и, подглядывая, переводит взгляд с Аны на Эдварда, с него на Аяну.

– Молодежь, вы лучше разбираетесь в современных терминах, – примирительным и наигранно уставшим тоном обращается к молодым коллегам Тамил. – Скажите, сейчас происходит буллинг или что-то другое?

– Что-то между, – Аяна подавляет смешок и продолжает: – Тебе просто напоминают о том, что необходимо сделать с твоей стороны. Хоть и не в самой мягкой форме. Мы все заинтересованы в том, чтобы лето в этом году прошло удачно для Солено. И да, – она становится серьезней, интонация приобретает стальные нотки, – девяносто процентов лесных пожаров возникает по вине людей. Они оставляют в траве стеклянные бутылки, напиваются на пикниках, плохо тушат костры. И курят, также не туша сигареты. Штрафы неэффективны, потому что, вы понимаете, я единственный Элемент в своем поколении и физически не могу просмотреть каждое дерево и увидеть нарушителей. А фестиваль Очищения вообще моя головная боль! Такое название, а столько мусора... Может, у кого-нибудь есть предложения, как воззвать к чувству стыда и совести людей?

Все затихают, потому что ответ для Аяны неутешительный – воззвание людей к пониманию и бережному отноше-

нию к окружающему давно не работает, ни через кнут, ни через пряник.

Магия построила Солено, поселила здесь людей и создала Элементов как высшую силу. В эру религиозного почитания люди относились к Магии и Элементам со страхом и почтением, ведь от их душевного состояния и взаимодействий с окружающим миром зависело само существование Солено.

Когда общество и стихии, как показалось зажившейся и уставшей Магии, повзрослели настолько, что могли дальше жить без ее указки, она решила покинуть мир. Она рассчитывала, что Элементы смогут управлять Солено вместе, как когда-то управляли ее чревом, но ошиблась – избалованные и жадные дети стали спорить, кто будет Верховным Элементом. Тогда они еще не имели человеческой стороны, представляя из себя сгустки чистой энергии своих стихий. Их споры сопровождались наводнениями, пожарами, снежными бурями и землетрясениями. Из источника сил Солено никем не контролируемые стихии стали для острова угрозой.

Магия вернулась, но ненадолго – чтобы исправить совершенные детьми ошибки и наказать.

– Вы были так близки к тому, чтобы уничтожить Солено, хотя должны были его защищать! Я лишаю вас Элементарного состояния.

Четыре стихии столкнулись с невероятной болью преображения, оставшись лишь с половиной той силы, которой владели. Молнии терзали Воду, Огонь прочувствовала соб-

ственный жар, Земля потеряла ощущение величия, а Воздух – масштаба.

Магия была в гневе.

– Теперь вы – наполовину люди и зависеть вы будете от них так же, как они от вас. Вы будете не только служить на благо Солено и людей, но и сочетаться с ними узами брака, потому что стали смертными, а со смертью одного из вас начнет умирать Солено. Вода и Воздух, ваши силы примут ваши сыновья, Земля и Огонь, ваши дочери заменят вас, когда они достигнут четверти жизни, а до тех пор вы будете обучать их, чтобы каждое новое поколение Элементов никогда не уничтожило Солено! И лишь люди могут решить, нужен ли им Верховный Элемент, и выберут они его сами. Это будет их воля и вы обязаны будете с ней согласиться.

Наученные печальным опытом стихийных бедствий, возникших из-за споров Элементов за власть, люди пришли к решению выбрать Верховный Элемент – им показалось, так будет проще и поможет избежать конфликтов в будущем. Они долго совещались, пока не сошлись на том, чтобы отдать эту ответственность Воздуху – самому обособленному из детей Магии, практически не имеющему слабостей перед братом и сестрами. Не все стихии смирились с таким раскладом, но волю людей, как завещала мать, исполнили.

С тех пор Солено непрерывно развивался и процветал, появились искусство, наука, промышленность, высокие технологии, пока время не дошло до наших дней, где люди вос-

принимают Элементов не как божеств, а их силы – не как дары, а дань им, людям. Сели на шею, как выражается Тамил.

С каждым годом пропасть между Элементами и людьми растет, взаимные претензии накапливаются и находят отражение в растущей беспечности людей по отношению к окружающему миру. Солено держится лишь на том, что люди осознают невозможность существования без Элементов, а Элементы понимают, что без людей их собственные жизни не имеют смысла.

Ане становится душно, она обмахивается краями блузки. – Можно... – нерешительно начинает она, затем останавливается, искоса смотрит на Тамилу и поднимает руку. Эдвард с Аяной одобрительно кивают. – Можно попробовать популяризировать волонтерство. Не все люди, простите, тупое и необразованное стадо. Как правило, радикальное всегда развивается параллельно адекватному. Есть такие, кто хотел бы помогать окружающей среде, но не знает, с чего, как и где начать.

Ана отмечает, что собравшиеся ее по-настоящему слушают, даже Тамил, хоть и с полузакрытыми глазами. Алые губы решают. Она осознает всю наивность затеи и максималистскую позицию, но все равно продолжает:

– Задействовать СМИ, соцсети, медийных. Только сделать это по-умному, сконцентрироваться на молодом населении, которое еще способно к пересмотру своих ценностей, но и найти точки воздействия на более взрослых. Можно

привлечь братьев Аяны, они знают, что нужно Земле, хоть и не являются Элементами, и будут наставниками. К тому же их много, есть разброс в возрасте, а значит, и целевые аудитории будут разными.

Аяна тянется рукой к длинному хвосту, пропускает волосы меж пальцев и начинает задумчиво наматывать прядь на мизинец.

– В этом есть зерно. Но боюсь, эта кампания повторит судьбу предыдущих – в лучшем случае станет сезонной модой, а не образом жизни.

– Солено тоже не сразу построился, – Эдвард вклинивается в обсуждение и потирает подбородок. – СМИ и соцсети новая великая сила, они управляют людьми намного эффективнее, чем мы. Если мы решим перейти к осуществлению подобной инициативы, их ресурсы окажутся ключевыми.

– То же самое говорили про интернет, до него про телевидение, а еще до него про радио – новая великая сила и рычаг воздействия. Есть только один момент – люди, да и мы тоже, в меньшей степени используем эти инструменты для обучения и саморазвития.

Элла звучит уверенно, но устало, и Ана поникает.

«Не стоит озвучивать на собрании придуманную за завтраком на коленке идею», – думает она и вносит это в свой «Элементарный чек-лист» – так она называет свод правил, которым планирует придерживаться, когда сама станет Полноправным Элементом. И тут же добавляет подпункт: «Осо-

бенно с алыми губами».

Все, чего ей сейчас хочется – перехода к другой теме. Просто отмалчиваться, пока Эдвард не распустит собрание. Она не проконтролировала горделивое желание выделиться и внести свежести в здешнюю духоту, а ответить за него не может.

Эдвард слышит каждую мысль в голове Аны, в том числе и те, что касаются ее предложения, и решает помочь. Но прежде, чем заговорить, он подпирает кулаком подбородок, дважды поднимает и опускает большой палец.

– А если начать с поддержки уже функционирующих волонтерских организаций и дать финансирование? Сейчас оборудованием, спецодеждой и питанием волонтеры обеспечивают себя сами. Как раз можно снабдить тех, кто планирует работать на фестивале. И выделить на них места с активностями для всех возрастных групп. Детям преподносить информацию в игровой форме, на аудитории подростков и молодых взрослых использовать мемы и самоиронию, что касается взрослого населения, то надавить на традиционные ценности и чувство безопасности. И, самое главное – теория вместе с практикой, а не вместо нее.

«Твою Магию, ну зачем? Я услышала, как эта идея звучит вслух, и еще больше убедилась, что она бредовая», – слышит Эдвард отчаянные мольбы Аны. Он не может ей ответить – он чтец, а не телепат, поэтому лишь пожимает плечами и подмигивает.

Ана только сейчас замечает, что на протяжении всей речи он поднимает и опускает большой палец, это уже походит на нервный тик. Только когда она отвечает на обусловленный жест, повторив его, Эдвард кладет руки на стол.

– Кто будет вести эти активности? А разрабатывать? Эдвард, я хочу услышать мисс Спарк, а не твою озвучку.

Ана выпрямляется и нехотя смотрит на Тамила – уголки его рта слегка натянуты. Она набирает в грудь воздуха и медленно выдыхает.

– Старшие волонтеры. Заинтересованные медийные. И братья Аяны. Флауверсы все на подбор модели, на них даже просто захотят прийти и посмотреть, а красивых хочется и слушать, – она смотрит на Земную, которая молчит все это время и разглядывает сложенные в замок руки. Комплимент генетике Флауверсов делает свое дело, от улыбки щеки становятся пухлее.

– Молодые Элементы и стажеры тоже вполне ничего, если вы делаете ставку на привлекательных и харизматичных, – своими словами Элла смущает внучку, Эдварда и Аяну, на чьих и без того разгоряченных лицах уже преобладает красный цвет. – Одни мы с тобой, Тамил, не у дел, нам только стариков поднимать.

– Я не настолько стар, Элла.

Тамил откровенно скучает, к идее Аны он относится скептически. Пропаганда волонтерства не нова и существует еще со времен, когда индустриализация стала IT своего време-

ни, ключом, опорой и двигателем общества к прекрасному будущему. Эко-направление не выходит из моды, но всегда стоит особняком, являясь скорее кружком по интересам, а не выработанным, работающим как часы процессом.

– Тамил, я понимаю, предыдущие попытки призвать людей к бережному отношению, мягко говоря, не оправдались, – Эдвард читает его, чем немерено раздражает. – Но это действительно так, новое поколение людей, простите за каламбур, неосознанно стремится к осознанности. Просто на них созданы другие рычаги воздействия – блоги, мемы и подкасты, а не принуждение и агрессивная реклама. Старые методы как раз наоборот еще больше подталкивают их к бездействию.

– Какие все стали нежные, – бурчит Поло.

Но Эдвард продолжает настаивать:

– Море, реки и озера тоже страдают от беспечности людей. Если дать шанс подобной инициативе, а она сработает, то и ты будешь в выигрыше.

Аяна наконец-то начинает говорить, тщательно подбирая каждое слово:

– Идея требует доработок. Ана, можешь быть со мной связи? Идея твоя, полагаю, у тебя и наброски ее реализации имеются. Делись ими со мной в личном чате, пиши свои вопросы, а я, по мере возможности, буду отвечать, одобрять или отклонять. И давать дополнительные контакты. И да, – она наконец-то расслабляется, плечи мягко опускаются, – я

поговорю с братьями.

Ана ненадолго замирает, пытается переварить ситуацию – ее идею одобряют? Такой исход кажется ей невероятным, нереальным, но тешит ее эго, заставляя приосаниться.

– Мисс Спарк, – Ану передергивает, она стреляет в Эдварда недовольным взглядом.

«Ну что ты начинаешь, какая мисс Спарк, Эдик».

«Эдик» прикрывает рот ладонью, трясась от еле сдерживаемого смеха.

– Будьте на связи с Землей. К следующему собранию Совет ждет конкретных идей и их внедрение в программу фестиваля. Меня тоже держите в курсе.

Темы обсуждения, озвученные в утреннем сообщении Лили, заканчиваются и Эдвард уже хочет распустить собравшихся, но Тамил упрямо его останавливает.

– Остался один вопрос.

Эдвард сосредотачивается на воздухе, обволакивающим седеющую голову старшего коллеги, и вздрагивает.

– Опять меня прочитал? – Тамил указывает на лоб. Он начинает злиться. – Это злоупотребление способностями, тем более, в отношении другого Элемента, и, еще пуще, в первый день на новом poste. Твой отец такого вторжения в личное пространство себе не позволял.

Эдвард болезненно морщится, сжимает веки и мнет переносицу. Не от замечания Тамила, а от того, что прочитал.

– Подводницы.

Всего одно слово заставляет всех за столом затаить дыхание.

– Подводницы, Эдвард. Я снова хочу поднять вопрос изучения Подводниц.

Глава 3

– Когда ты уже успокоишься?

– Когда мне одобрят изучение Подводниц, Элла, – Тамил закипает.

Лицо Эллы приобретает маску искреннего удивления, но ускоряющееся сердцебиение прямо указывает на нарастающее беспокойство.

– Они разве недостаточно изучены? Происхождение известно, назначение тоже, обитают преимущественно в Темноводной, но могут заплывать и в Славную, имеют иммунитет к силам минимум трем из четырех Элементов, смертельно ядовиты, людей убивают быстро и безболезненно, Элементов долго и мучительно.

Тамил хмыкает от столь дилетантским рассуждений.

– То, что ты озвучила – результат наблюдений, с твоей стороны не совсем точных. Нет у Подводниц иммунитета к силам Элементов, они порождение двух из четырех стихий, это не одно и то же. Легенды, фольклор, исторические справки, рассказы очевидцев, личное взаимодействие и лишь немного прикладная работа собрали базу данных об этих существах. К слову, благодаря ей великие умы смогли создать антидот, и теперь раненного Подводницей Элемента можно спасти, – Тамил делает паузу и устремляет взгляд на притихшего и по-

бледневшего Эдварда. – Науке известны их анатомические особенности, состав яда, средняя продолжительность жизни, но это все основано на изучении выброшенных на берега трупов.

– Я считаю, этого вполне достаточно, – Элла тверда, но пятки под столом начинают отбивать ритм. – Подводницы опасны для людей и Элементов, они подлежат уничтожению, а не спа в лабораториях.

– В этом и есть проблема, Элла. Они не живут за пределами водоемов. Отлов Подводницы в аквариум работает ровно настолько, чтобы она умерла, едва ее транспортируют в лабораторию. Вывод напрашивается – они привязаны не к воде, а к местам, где живут. Изучение Подводниц дошло до этапа, когда теперь осталось только наблюдение за ними в их естественной среде обитания.

Эдвард выпрямляется и поднимает голову, глаза дергаются под опущенными веками.

– Ты прекрасно знаешь, почему это невозможно, – медленно начинает он. – Подводную лабораторию, о которой ты говоришь каждый раз, когда поднимаешь тему Подводниц...

– О ней сегодня я еще не говорил, чтец.

– Надо из чего-то строить. Из чего? Для когтей и зубов Подводниц любые металлы и стекло – все равно, что бумага для кошек. В нашем мире нет материала, который они не разорвали бы...

– Потому что практически все в нашем мире состоит из

материалов земного происхождения, — на выдохе заканчивает за Эдварда Аяна. — Лаборатория всегда будет находиться под угрозой, и люди, которые будут там работать, в частности. Подводницы все уничтожат.

— Мне не нужны люди... — неуверенно отвечает Тамил, но Эдвард довольно резко его останавливает.

— Ты не морской биолог, Тамил, и команда тебе нужна. А даже если и да, и ты утаиваешь от нас ученую степень, то в постоянной опасности будешь уже ты.

— Они меня не убьют, они... — Водный сжимает челюсти и настраивается на волну прибоя, опасаясь сболтнуть или подумать лишнего. — Они мне не навредят.

Эдвард, не в пример гибкому телосложению, остается негибачаемым в своих суждениях.

— Ты Элемент, они рождены, чтобы убивать нас. Они приемная родня Воды и Земли, силы этих стихий им не вредят, им не страшен Огонь, их единственная слабость — Воздух. Может ли Воздух обеспечить безопасность? Тоже нет, воздух под водой не имеет власти, это пшик! — с каждым словом Эдвард повышает голос, в висках противно стучит, в голове вихрем крутятся мысли всех собравшихся за столом.

— Хочешь, чтобы Кай сменил тебя раньше положенного срока?

Подобная манипуляция действует на Тамилу, как красная тряпка на быка, и поднимает в нем бурю.

— То есть, сочиненный от скуки и потенциально проваль-

ный проект мисс Спарк мы берем в разработку – а она ведь еще стажер! – а изучение главных врагов людей и Элементов снова откладываем?

Настает черед Аны возмутиться.

– Ты сравниваешь ужа с гадюкой! Мой потенциально провальный проект, – она делает кавычки, – в худшем случае разочарует и провалится, а твой похоронит людей, тебя и нас – потому что придется тебя спасти! Откуда у тебя уверенность, что ты такой особенный и Подводницы тебя не тронут?

Ана мечет искрами, уложенные волосы электризуются, на щеке проступает пот, она активнее прежнего машет воротом блузки.

– У меня нет гарантии, что Подводницы меня не тронут, – признается Тамил. – Так же, как и у вас, что они в щепки разнесут лабораторию, едва она будет опущена в воду.

– Ты правда глупый или притворяешься? – Ана выкатывает глаза и подается вперед. – Тебе точно сорок девять, а не девять? Ты обвиняешь людей в беспечности, в то время как сам беспечен по отношению к их жизням. Нужны ли людям новые открытия о Подводницах, ты у них спрашивал?

Элла осторожно пинает ее ногу под столом и кивает на ногти – взволнованные синие язычки пламени показываются и трепещут.

– Опять люди! Не слишком ли мы много о них думаем?

– Это наша работа, Тамил – думать о людях и Солено, –

Аяна вжимается в спинку кресла, завидев грозовые облака вокруг Водного и почуяв запах костра. – Все, чего хотят люди в отношении Подводниц – их уничтожения. Слишком много горя они принесли людям и Элементом.

– Нельзя позволять личному горю стопорить науку!

Его желания опять остаются проигнорированными. Больше тридцати лет он отдал служению людям, практически не пренебрегая правилами и законами, усердно выполнял работу – и вот благодарность. Элементы не бессмертны, а продолжительность жизни, как правило, ниже, чем у людей, Элла является одной из немногих, кому удалось перейти семидесятилетний рубеж. Тамил не может быть уверен, что после того, как Кай войдет в должность Полноправного Элемента, он успеет воплотить давнюю мечту.

Обводя собрание разъяренным взглядом, он понимает, что добился желаемого – задеть чувствительные струнки души каждого из собравшихся. Аяна съеживается и виновато смотрит вниз. Элла каменеет, Тамил чувствует подступающие к ее глазам слезы. Ана сжимает ладони в кулаки и прерывисто дышит. Жидкости в организме недостаточно, погорит чуть больше и обезвоженность обеспечена, но чего хватает сполна, так это посаженной на хрупкую цепь ярости.

Ему это нравится, он решает добить.

– Элла, мисс Спарк, Эдвард, – он смотрит на совсем притихшего и скрючившегося как креветка Экхарта, – я прекрасно понимаю ваше желание стереть с лица Солено Под-

водниц. И осознаю ваше недоверие ко мне и моему проекту. Очень трогательно, что вы, в том числе, думаете и о сохранности моей жизни в случае его реализации, когда моя стихия не смогла сохранить жизни ваших родных...

Эдвард вскакивает с кресла, и оно с грохотом падает на кафельный пол. Ветряные потоки кружатся вокруг него, колышут каштановые волосы и полы рубашки. Он слышит не только завывание ветра и мысли собравшихся с ним в одном помещении. Слух улавливает голоса людей, вышедших на работу в выходной день и находящихся этажами ниже. Их сплетни, смех, ахи, охи и вздохи. Постукивание пальцев по клавиатуре. Открывающиеся и закрывающиеся автоматические двери. Срабатывание терминала вендингового аппарата с последующим падением газировки и шипением пузырьков внутри жестяной банки. В общую какофонию вмешиваются звуки с улицы – автомобильные гудки, музыка, пицание светофоров, и Воздушный чувствует перегруз. Он закрывает уши руками и пытается сосредоточиться на собственных мыслях.

Память подкидывает текст детской поэмы, и Эдвард цепляется за нее, как за спасительную соломинку.

В большом белом пузыре
Магия рождает –
В чреве двое сыновей
Ребра ей ломают.

Спорят Воздух и Вода,
Кто быстрее родится.
Но бежит вперед Земля –
Не терпит сестрица...

Первой родилась она –
Появился остров.
Устремился вслед Вода,
А за ним и Воздух.

Ему надо успокоиться. Сосредоточиться. Укротить Воздух.

Потоки вокруг него начинают сгущаться, Эдвард впитывает их через кожу – каждая клеточка человеческой стороны насыщается кислородом, а стихия обескураженно кричит: *«Это все?»*.

Потянулись к небу скалы,
Обрастая мхом,
Море остров обнимало,
Штиль царил на нем.

Расстилаются поля,
Кормит их водица,
В распрекраснейших лесах
Появились птицы.

«Ну давай хотя бы легонечко».

Эдвард открывает глаза, смотрит прямо на Тамила – и холодный ветер задувает в загорелое лицо, проникая между волосков седеющей бороды. Водный ежится и на мгновение даже пугается.

«Сойдет».

– Никакого изучения Подводниц. Только контроль и уничтожение в случае, когда они угрожают безопасности людей и Элементов, – Эдвард басит, что ему не свойственно. Он залпом выпивает бутылку и откашливается, пока обычный голос не возвращается. – Собрание на сегодня закончено. Всем до свидания.

«Не так явно».

«А то что?»

Эдвард поднимает кресло, двигает его к столу и отворачивается от замешкавшихся коллег. Он оттягивает рукав рубашки и смотрит на циферблат – еще не время принимать лекарство. Впрочем, он уже давно им не руководствуется, и

тянется к карману, нащупывает блистер с таблетками, кидает одну под язык и рассасывает – во рту появляется кисловатый медицинский привкус.

Тамил первым покидает штаб.

Воздух затихает, но остается довольным. Человек же испытывает угрызение совести.

Чем ближе к небу, тем сильнее ветер, и в невыносимую жару Эдвард всегда стремится найти какую-нибудь крышу – охладиться, убить время и отгородиться от посторонних мыслей.

Крыша башни Элементаль усыпана гудящими кондиционерами и солнечными батареями. В центре – основание шпиля, настолько узкое, что только на крыше видно истинную конусообразную форму. Снизу создается впечатление прямой соломинки, высотой еще в четыре-пять этажей башни, с нанизанными до середины тремя шарами и заостренной сверху, и то верхушку практически никогда не видно за облаками и туманом. Шары дают тень под шпилем, и Эдвард движется к ней, попутно вставляя в уши капельки наушников.

Все живое задышало –
Воздух расщедрился.
Где же младшая сестра?
Ей пора родиться.

Эдвард смотрит на три круга, нанизанных на шпиль, как бусины на зубочистку.

Какая была задумка у архитектора башни касаясь шпиля? Сложно ответить на этот вопрос, поскольку архитекторов было то ли два, то ли три, и ровно столько же теорий существует. Эдварду больше всего нравится та, где его прадед, заботясь о себе и потомках, попросил источник тени на крыше, чтобы абстрагироваться от шума Зеркального района было комфортно. Прадед, правда, и предположить не мог, что, как только его внук, отец Эдварда, взойдет на пост, в обиход войдет возобновляемая энергия, и гудящие солнечные батареи застелют собой крышу, перебивая голос ветра. Мэттью уже скрывался от шума в других местах, часть из которых Эдвард знает, но не использует – зачем, когда есть наушники с шумоподавлением и десятичасовые записи тишины, капли, трескания дров в костре и шелеста листвы, и он может скрыться от шумов района и человеческих мыслей буквально на любой крыше? А крыша Элементаль ближе всего к небу.

Если бы Магия наделила Воздушный Элемент просто острым слухом, без проникновения в мысли окружающих, Эдвард бы не возникал и только радовался возможностям овладеть любым музыкальным инструментом и слышать графические изображения. Хотя и отрицать пользу данной особен-

ности язык не поворачивается – бывает, лучше знать, какие намерения у окружающих.

Другая теория говорит о том, что три шара – это три стихии, а шпиль – самая главная из них. Олицетворяет ли шпиль Воздух? Возможно, все-таки Верховным Элементом люди выбрали именно его.

«Появляйся, дорогая», –
Молит Огонь Магия.

Но Эдвард не уверен. Что, если шпиль – это стихия, без существования которой жизнь остановится?

Дочка искрами рыдает:
«Я опасна, мама.

Так чудесен этот мир,
Я спалю его дотла...
И рожусь я только если
Буду здесь нужна».

Ныряет Магия в Иное
И возвращается с людьми.
Огонь чувствует их холод
И выходит первой к ним.

Воздушный вынимает наушники и отрывается от поверхности крыши. Он поднимается вверх, окунается в облака, видит блестящий кончик шпилья, прикасается к нему. Ложится на спину, смотрит в небо, такое желанное, волнующее и поражающее воображение, и тянет к нему обе руки. Эдвард все выше и выше, но небо и на миллиметр не приближается.

У Воздушных особая тяга к небу – они ближе к нему, чем остальные Элементы, но еще ни разу им не удалось безболезненно прикоснуться к куполу, окружающему родной остров, а сколько их полегло на попытках заглянуть за него, одна Магия знает.

Когда-нибудь он к нему прикоснется. Эдвард вдыхает полной грудью, сливается с бело-серо-голубой палитрой и пикирует вниз.

В противовес острому слуху он обожает, подобно своей стихии, сливаться с окружающим миром. Чем ближе к земле, тем полнее становится его цветовая палитра, добавляются более темные серые и черные оттенки. Пролетая светофоры, Эдвард ловит в коллекцию красный, желтый и зеленый. Над рекой Славной он разживается всеми цветами синего и голубого, а, паря над приречными аллеями, магазинами и бла-

гоухающими лавками флористов, собирает полный цветовой круг, становясь абсолютно невидимым.

Он долго парит над заповедной зоной Северного Парка, пока все же не спускается вниз. Трава под ногами колыхается, птицы вспархивают с деревьев и улетают, взволнованно щебеча. Пара кроликов мчится в кусты.

Воздушный приближается к дубу, отделяя от себя краски, возвращая их лесу, а себе – человеческое обличие.

– Эдик, я же просила, ко мне не подкрадывайся, – Ана закрывает альбом со скетчами и кладет в рюкзак.

Эскимо в ее руке тает. Эдвард подходит ближе и одним щелчком подмораживает его – капля не успевает упасть Ане на ботинок.

Она прикладывает ладонь к сердцу.

– От души.

Эдвард, чтобы не сгибаться, формирует под ней ветряные потоки. Воздух приподнимает миниатюрную Огненную с такой легкостью, будто она невесомое перышко, а не живое существо из плоти, золотой крови и яркого пламени. Он притягивает веснушчатое лицо к своему и рассматривает ее губы, с которых от поедания охлаждающих десертов мягко сошла алая помада, показав натуральный бледно-бежевый цвет.

И целует. Сначала легко и невинно, постепенно добавляя страстного напора. Вкус крем-брюле остается на языке.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.